

А.Д. Куманьков

Война как наказание: исторические основания и современное состояние

Куманьков Арсений Дмитриевич – кандидат философских наук, старший преподаватель. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; e-mail: akumankov@hse.ru

В статье рассматривается наказание как источник легитимации войны. Прослеживается история развития пунитивной (наказательной) парадигмы войны, ее смена легалистской парадигмой и отмечается реактуализация идеи наказания как справедливого основания войны. Для того чтобы решить эти задачи, автор рассматривает становление пунитивной доктрины войны в сочинениях христианских авторов III–IV вв. Прослеживается логика обоснования войны в мысли Амвросия Медиоланского и Августина Аврелия, для которых характерно было указание на необходимость наказания греха в качестве ключевой причины войны. Далее рассматривается процесс секуляризации учения о справедливой войне в Новое время. В этот период активно развивается легалистская парадигма войны с характерным для нее пониманием права государств на защиту своего суверенитета и территориальной целостности как справедливой причины войны. Автор отмечает типичное для современной теории справедливой войны обращение к идее защиты прав человека как основания для оправдания войны. Также рассматривается возрождение интереса к идее наказания и разбираются возможные причины реактуализации пунитивной парадигмы на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: война, наказание, теория справедливой войны, Августин, Гуго Гроций, Майкл Уолцер

Каноническая история теории справедливой войны традиционно начинается с Отцов Церкви IV–V вв. Амвросия Медиоланского и Августина Аврелия. Вероятнее всего, первым, кто употребил словосочетание «справедливая война», был Аристотель. В «Политике» он сравнивал войну с варварами с охотой на рабов, называл ее соответствующей природе, а потому справедливой¹.

¹ Аристотель. Политика 1256b // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 388.

Важен вклад Цицерона в развитие морального учения о войне. Но все же именно христианские авторы столкнулись с необходимостью сформулировать доктрину, которая решала бы вопрос об оправдании применения вооруженного насилия. Решения, найденные Амвросием и Августином, а также их последователями, ведь доктрина справедливой войны всегда уточнялась, сформировали ядро так называемой пунитивной парадигмы (от лат. *punitio* – наказание) учения о справедливой войне. В основе пунитивной парадигмы лежит представление о недопустимости применения насилия во всех случаях, кроме тех, что связаны с необходимостью наказания грешника. Впоследствии пунитивная парадигма была заменена легалистской. Нравственное оправдание войны строилось не на идее наказания грешника, а на представлении об обладании государством особым правом защищать свой суверенитет и интересы при помощи вооруженного насилия. Эта парадигма в большей степени соответствовала эпохе национальных государств и Вестфальской системе международных отношений. В XX в. произошло серьезное обновление теории справедливой войны. Основанием, легитимирующим войну, признается отныне обязанность государств защищать права своего населения, а также следить за соблюдением базовых прав человека в международном масштабе. Однако наиболее интересным аспектом в этой эволюции парадигмальных оснований теории справедливой войны становится возвращение мышления в духе пунитивной доктрины. На фоне процессов приватизации войны и криминализации агрессивной войны это приводит к явным противоречиям внутри всего дискурса о справедливой войне. От войны одновременно хотели бы отказаться, но продолжают видеть в ней эффективное или неизбежное средство решения политических проблем, что вынуждает искать все новые обоснования необходимости обращения к ней.

В данной статье мы постараемся проследить, как именно происходила ре-актуализация пунитивной парадигмы войны. В данном случае нас в меньшей степени будет интересовать критика попыток представить войну справедливым способом наказания. Основное внимание будет уделено исторической ретроспективе и представлению нескольких современных подходов к проблеме наказательной войны. Для этого мы определим основные элементы средневековой христианской пунитивной доктрины справедливой войны. Далее, кратко опишем процесс смены пунитивной доктрины войны легалистской парадигмой и обозначим наиболее характерный для современной теории справедливой войны подход к оценке причин войны. И наконец, наметим причины обращения к мышлению в духе пунитивной парадигмы на рубеже XX–XXI вв.

Представления о правильной и неправильной, справедливой и несправедливой, естественной и противоестественной войне и, соответственно, допустимых и неприемлемых способах поведения на поле боя появляются в античной философии. На эту тему высказывались уже Платон² и Аристотель³, пусть и не слишком подробно. Цицерон уделил этим вопросам чуть больше внима-

² См.: Платон. Государство // Платон. Соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994; Платон. Законы // Платон. Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1994.

³ См.: Аристотель. Политика; Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983.

ния⁴. Именно в сочинениях этих авторов закрепляется раздвоенность осмысления войны, которая в дальнейшем будет воспроизводиться на протяжении всей истории развития доктрины справедливой войны. Осуждение слишком затянутой, жестокой или начатой без должной причины войны будет сочетаться с восприятием ее в качестве необходимого средства решения конфликтных ситуаций, восстановления справедливости и обретения мира.

В IV в. н. э. происходит серьезное укрепление позиций христианства в Римской империи. При Константине Великом (272–337) преследования христиан прекратились, и христианство стало абсолютно легальным. Феодосий Великий (347–395) сделал христианство государственной религией. В этих условиях должны были появиться христианские концепции права на применение насилия и ведения войны. И они действительно появились в трудах Амвросия Медиоланского и его ученика Августина Аврелия.

Основное нравственное противоречие, которое должен был решить христианский теолог, рассуждающий о войне, довольно ясно. Как можно совместить учение о ненасилии Христа и прагматичность правителей, видящих в войне законное и эффективное средство. Евангелия дают немало оснований для того, чтобы считать христианство пацифистской религией по своей сути. Так, например, Христос говорит: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»⁵. Неудивительно, что многие христианские авторы первых веков (Ориген, Тертуллиан, Игнатий Антиохийский) прямо выступали против войны и военной службы.

Важным шагом на пути к переосмыслению пацифизма Христа стала интерпретация Священного Писания Амвросием Медиоланским. В трактате «Об обязанностях священнослужителей»⁶ Амвросий обращает внимание на то, что Библия не запрещает войну прямо и директивно. Он находит немало примеров того, как древние цари вели войны и, более того, действовали по божественному указанию. Так, он пишет: «никогда Давид не предпринимал войны, если только не вызывался (на то самими врагами)... А после того [после победы над Голиафом] он никогда не начинал войны иначе, как по испрошении совета (2 Цар. 5:19 и сл.) от Господа (*consulto Domino*)»⁷. Царь Давид становится для Амвросия примером того, что война в принципе не является запретной для верующего. Кроме того, мы понимаем, что возможна война, которая направляется и одобряется Богом и ведется буквально по его повелению.

Христианский воин должен уподобиться Давиду, Иисусу Навину, Самсону, которые вели войны и прославили себя. Их слава обязана проявленному мужеству, но подлинного мужества, по мнению Амвросия, не может быть без справедливости поступков, иначе они обесчестили бы себя дурным обращением

⁴ См.: Цицерон М.Т. Об обязанностях // Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1993; Цицерон М.Т. О государстве // Цицерон М.Т. Диалоги. М., 1994.

⁵ Мф 5:38–39, 44.

⁶ Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. М.; Рига, 1995.

⁷ Там же. I. XXXVI. 177.

с неприятелем или злоупотреблением собственной силой. Амвросий специально подчеркивает, что даже на войне должна соблюдаться справедливость, которая непосредственно выражается в различном отношении к врагу озлобленному и бесчеловечному и неприятелю, сопротивляющемуся без лишней жестокости. Атлет Христов получает венец «только в том случае, если он сражается законно»⁸. Справедлив же человек тогда, когда он исповедует истинную веру.

Обретаемое в вере человеколюбие трактуется Амвросием весьма прагматично. Дух ветхозаветного талиона близок ему. Проявление милосердия служит залогом благодарности. Так, он приводит в пример сюжет из книги Царств, где повествуется о войне сирийского царя с израильтянами. Господь поражает сирийцев слепотой, после чего израильский царь предлагает убить их всех. Этому препятствует пророк Елисей, предлагая накормить и напоить сирийцев, а затем отпустить. После такого акта милосердия «не ходили более те полчища Сирийские в землю Израилеву»⁹. Приводит Амвросий и обратный пример, принципиально важный для нас. В книге Чисел описано, как мадианитяне, которые начали соблазнять израильтян и научили их поклоняться Ваал-Фегору, удостоиваются крайне жестокой кары. Моисей по наставлению Господа мстит мадианитянам, посылая израильтян на войну с ними. В результате этой войны израильтяне «убили всех мужского пола; и вместе с убийцами их убили царей Мадиамских... а жен Мадиамских и детей их сыны Израилевы взяли в плен, и весь скот их, и все стада их и все имение их взяли в добычу, и все города их во владениях их и все селения их сожгли огнем»¹⁰. Несправедливость, излишняя воинственность или бесчестие врага служит основанием для наказания, которое выступает в качестве справедливой причины войны.

В представлениях Амвросия о войне закрепляется дихотомия, которая будет часто воспроизводиться в сочинениях, посвященных определению справедливых оснований войны. С одной стороны, в цитированном выше отрывке о Давиде фиксируется справедливость самообороны. Давид начинает войну только в том случае, если «вызывается» на это своими врагами, то есть когда на него кто-то нападает. Амвросий одобряет также и союзническую помощь: «тот, кто не избавляет своего союзника от обиды, – буде имеет к тому возможность, – столько же виноват, сколько и тот, кто наносит эту обиду»¹¹. Война, вызванная необходимостью защитить союзника, оправдана в той же мере, в которой оправдана самооборона. Амвросий пишет об избавлении союзника от обиды. Здесь мы имеем дело с воздающей справедливостью, которая определяет возможность ответить на совершенное по отношению к нам благое или злое деяние. Но когда речь идет о мести как одновременно причине и цели войны, как это происходит с израильтянами, которые карают мадианитян, то в дело вступает «справедливость возмездия», как мы можем обозначить ее

⁸ Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. I. XXXVI. 182.

⁹ 4 Цар 6: 22.

¹⁰ Числ 31: 7–10.

¹¹ Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. I. XXXVI. 178. Ср.: Там же. II. VII. 33.

вслед за американским философом Дэвидом Любаном¹². В этом случае потерпевшая сторона стремится причинить своему обидчику ущерб, значительно превышающий убыток, понесенный ею самой.

Обе причины – самооборона и наказание – постоянно были в фокусе внимания теоретиков справедливой войны, но в разные времена их значение оценивалось по-разному. Так, ученик Амвросия Августин выстраивает линию аргументации в пользу возможности применять военное насилие именно вокруг идеи наказания, которая служит справедливой стороне как санкция, легитимирующая войну.

Война, по мнению Августина, извечная спутница жителей града земного, вечный мир возможен только в Царствии Христовом. Однако война сама по себе не есть еще грех и зло: «заповеди “не убивай” отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, т. е. в силу самого разумного и правосудного распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью»¹³. Несправедливой можно назвать войну только в том случае, когда участник ее становится жестокосердным и переполняется любовью к насилию. Если же начинающий войну по справедливой причине помнит, что финальная цель войны – мир, справедливость и благочестие¹⁴, то он не будет совершать греха. Что же касается справедливых причин войны, то наказание (*punitio*) как раз и называется Августин в качестве одной из них. И пунитивная, наказательная парадигма войны берет начало именно в сочинениях епископа Гиппонского, который уделяет этой теме гораздо больше внимания, нежели Амвросий.

Августин следует за Амвросием в признании того, что только божественное указание или решение мудрого правителя, выполняющего волю Бога, может стать справедливым основанием для начала войны. Мудрый же правитель будет начинать войну только для того, чтобы отомстить за прегрешения (сам Августин формулирует это следующим образом: «*iusta autem bella ea definiti solent quae ulciscuntur iniurias*»¹⁵). Историки теории справедливой войны часто сравнивают этот тезис с характерным для римской традиции представлением о справедливости войны ради возвращения собственности, утраченной в результате вражеского набега¹⁶. И если для римской (и в принципе античной традиции) характерной была идея борьбы за восстановление довоенного *status quo*, то христианское представление о войне меняется кардинальным образом. Не само по себе нарушение права (например, кража имущества или святынь) подвергается теперь осуждению, но греховная сущность совершенного неприятелем деяния. Христианский воин борется не только ради того, чтобы вернуть утраченное и восстановить свое право. Он обращается к оружию с тем, чтобы наказать нарушителя справедливости – того порядка, который был установлен Богом, воздать ему и за фактическое, и за духовное преступление.

¹² Luban D. War as Punishment // Philosophy & Public Affairs. 2011. Vol. 39. Issue 4. P. 305ff.

¹³ Августин Аврелий. О граде Божием. Книги I–XIII. СПб.; Киев, 1998. С. 35.

¹⁴ Augustine. Letter 138 to Marcellinus // The Works of Saint Augustine. Vol. II/2. New York, 2003. P. 226.

¹⁵ Augustine. Quaestiones in Heptateuchum. VI, 10 (Цит. по: Russel F.H. The Just War in the Middle Ages. Cambridge, 1975. P. 18).

¹⁶ См., напр.: Cicero. De Officiis. London; New York, 1928. P. 38.

Правитель, обладающий соответствующим правом и мудростью, воздаст грешнику за совершенные дурные деяния. Ничто иное, кроме совершения серьезного греха, не может оправдать войну, сделать ее справедливой. Августин постоянно подчеркивает, что ведение справедливых войн – это обязанность, возложенная на христианского правителя как защитника христиан и хранителя веры. Обязанность неприятная, но необходимая: «Несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны; и эта несправедливость должна вызывать скорбь в душе человека, потому что она несправедливость человеческая, хотя бы из-за нее и не возникало никакой необходимости начинать войну»¹⁷.

Вина, которую несет на себе грешник, дает основание обратить оружие против него. Наказание греха представляет собой наиболее важную причину, по которой война может быть признана справедливой (Августин говорит также о самообороне и возвращении собственности, хотя и не очень подробно и скорее в контексте рассуждений о наказании). Но неверным было бы предположить, будто Августин использует «справедливость возмездия» для того, чтобы санкционировать истребительные войны. Причина, делающая войну справедливой, – грех, но цель войны – мир. Августин полагает, что грешник должен быть наказан, но также по возможности исцелен или исправлен в духовном отношении¹⁸.

Важно учитывать тот контекст, в котором появлялись высказывания Августина о войне. Очевидно, что концепция Августина теологическая. Она работает в системе аргументации, которая источником справедливости признает Бога. Соответственно, эта система предполагает соответствующую иерархию, где отпадение от Бога будет свидетельствовать об отпадении от справедливости, но все же все участники отношений продолжают находиться в рамках одного онтологического и морального поля. Именно поэтому мудрый правитель и получает возможность выступать судьей в делах неподвластных ему народов или групп людей – понимание справедливости у них общее. Далее, важно отметить, что Августин рассуждал о причинах, приведших к периодическим разорениям варварами Римской империи, но более всего – о необходимости борьбы с язычниками, раскольниками и еретиками, в первую очередь с манихеями, пелагианцами и донатистами. Как отмечают многие исследователи наследия Августина, игнорирование этого фона приводит к неверным интерпретациям мысли Отца Церкви¹⁹. Тем не менее, его акцент на наказании греха как на справедливом основании для начала войны в дальнейшем трактовался довольно широко и послужил, среди прочего, концептуализации доктрины священной войны.

¹⁷ Августин Аврелий. О граде Божием. Книги XIV–XXII. Кн. XIX, 7. С. 333.

¹⁸ О перевоспитании как цели пунитивной войны см.: Hampton J. The Moral Education Theory of Punishment // *Philosophy & Public Affairs*. 1984. Vol. 13. P. 208–238.

¹⁹ См.: Cox R. The Ethics of War up to Thomas Aquinas // *The Oxford Handbook of Ethics of War* / Eds. S. Lazar, H.P. Frowe. 2015. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199943418.001.0001/oxfordhb-9780199943418-e-19> (дата обращения: 25.03.2019).

На протяжении более чем тысячи лет христианские богословы развивали августиновскую парадигму пунитивной войны. Без обращения к ней не обходилось ни одно значимое сочинение о войне. Мы встречаем ее в «Декрете Грациана», в «Сумме теологии» Фомы Аквинского («необходимо... чтобы атакованные были атакованы потому, что заслужили это некоторым своим проступком»²⁰), в текстах Фомы Каэтаны²¹, затем у учителей Саламанкской школы – у Франсиско де Витория.

Однако со временем, начиная с XVI–XVII вв., пунитивная парадигма в учении о справедливой войне начинает уступать место легалистской или правовой. Во многом этому содействовал еще один представитель Саламанкской школы – Луис де Молина. О справедливой причине войны он говорит не как о грехе, а как о преступлении²². Гуго Гроций – еще один мыслитель, стоящий на рубеже двух парадигм. Как замечает Р.Г. Апресян, «с этикой милосердия и миролюбия, то есть с христианской этикой, Гроций совмещает этику справедливости и возмездия, то есть морально-правовые нормы Ветхого Завета и классической древности»²³. Войну Гроций воспринимает в первую очередь как средство, при помощи которого суверены регулируют отношения друг с другом. Но при этом война является для него всегда крайним средством, к которому стоит обращаться, когда иные способы воздействия на соперника не действуют: «правильно говорит Демосфен, что война ведется против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке»²⁴. Справедливой причиной войны Гроций называет правонарушение. Но переходный характер позиции Гроция проявляется, когда он начинает выделять конкретные правонарушения, которые заслуживают военного ответа. Среди них он выделяет самооборону и помощь союзнику, возвращение имущества, а также наказание. Обратим внимание на последнюю причину – отмщение или воздаяние кажется Гроцию вполне соответствующим естественному праву, т. е. универсальным принципам справедливости.

Последователи Гроция, такие как Самуэль фон Пуфендорф, Эммер де Ваттель или Иммануил Кант, идут по пути секуляризации учения о справедливой войне. Они начинают трактовать его в первую очередь как правовую и этическую доктрину, и отказываются от рассмотрения греха и наказания в качестве причины справедливой войны. В Новое время осознание невозможности наказательной войны становится буквально общим местом. Меняется доминирующий тип войны, а вместе с ним и интерпретация справедливых причин войны.

Война становится делом, находящимся в ведении только одного субъекта – государства. Оно монополизировало право на легитимное насилие и применяет

²⁰ *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. II–II. Вопр. 1–46. Киев, 2011. 40. С. 498.

²¹ *Summa theologiae* II-II, q. 40, a. 1. *Commentaria Cardinalis Cajetani // Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici Opera Omnia iussu impensaue Leonis XIII. Vol. 8. Rome, 1895.*

²² *Molina L. De iustitia et jure. Tract. II, disputation 102 // The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings / Eds. G.M. Reichberg, H. Syse, E. Begby. Oxford, 2006. P. 336.*

²³ *Апресян Р.Г. Гуго Гроций // Апресян Р. Г. История этики Нового времени: Лекции и статьи. М., 2014. С. 63. Также см.: Tuck R. The Rights of War and Peace. Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. Oxford, 1999. P. 106.*

²⁴ *Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М., 1994. С. 50.*

его в отношениях с другими такими же субъектами. По замечанию нидерландо-израильского политического теоретика Мартина ван Кревельда, основной задачей «изобретенного» Томасом Гоббсом государства «было ведение войн против себе подобных»²⁵. Государства осознавали равенство своих статусов и прав. Как это выразил Эмер де Ваттель, «нации свободны, независимы, равны и каждая судит по своей совести о должном»²⁶. Государства ориентируются в первую очередь на собственные интересы (*raison d'État*), в этом и заключается их сущностная характеристика. Именно поэтому Ваттель и отмечает релятивизацию справедливости, когда каждое государство начинает трактовать ее по своему усмотрению. Только совесть государей может давать оценку их действиям. Не существует судьи народов, который мог бы выступить в споре государей, поскольку все они находятся между собой в естественном состоянии, где действует гоббсово правило «*non est potestas super terram quae comparetur ei*»²⁷.

Система международного права, которая складывалась в XIX–XX вв., во многом закрепляет эти особенности понимания международной политики. Результатом работы юристов стала криминализация войны. Согласно ряду документов, начиная с пакта Бриана-Келлога, Устава ООН и Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г., агрессивная война признается преступным действием. Война перестает считаться инструментом политики, которым государства могут распоряжаться по собственному усмотрению. Система международной безопасности предполагает отказ от насилия в пользу мирного урегулирования споров. Во всяком случае, таков дух международно-правовых актов.

Таким образом, на уровне ключевых международно-правовых документов самооборона представляется по сути единственной справедливой причиной войны. Но основанием теперь служит не суверенное право государств на насилие и свобода распоряжения им, а обязанность государств защищать права, интересы и благополучие собственных граждан. Возрожденная в середине XX в. после почти полутора столетий забвения теория справедливой войны строится именно вокруг этой идеи²⁸. У государства есть обязанности перед населением, выполнение которых свидетельствует о том, насколько эффективно правительство справляется с собственными функциями. Нападение извне, угроза суверенитету и территориальной целостности делают невозможным выполнение этих обязательств, в первую очередь это касается обеспечения мирного и безопасного существования. Именно поэтому самооборона, защита от агрессии признается важнейшим правом государств.

Вот, к примеру, как эта легалистская парадигма проявляет себя у одного из важнейших авторов для современной теории справедливой войны, Майкла

²⁵ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 413.

²⁶ Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 32.

²⁷ Иов 41:25: «Нет на земле подобного ему». Сентенция, представленная на фронтисписе первого издания «Левифана» Томаса Гоббса. Обычно переводится как «нет на земле власти, которая бы сравнилась с ним».

²⁸ Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. СПб., 2019. С. 99 и далее.

Уолцера: «агрессия – вот имя, которым мы нарекаем военные преступления. Мы понимаем, что это преступление, поскольку знаем то состояние мира, которое прервала война. Зло, которое порождает война, заставляет мужчин и женщин рисковать собственными жизнями ради защиты их прав»²⁹. Уолцер рассматривает наказание не как причину, но как одну из задач, которую предстоит решить на завершающем этапе войны. После того, как агрессору дан отпор, его можно и нужно наказать³⁰.

Как мы видим, отказ от пунитивной парадигмы войны не означает отказ от наказания как одного из значимых элементов войны. Уолцер и ряд других авторов убеждены, что само по себе наказание не может считаться причиной войны, но вполне может рассматриваться в качестве одной из целей боевых действий и последующего политического процесса. Такое наказание, как правило, проявляется в виде судебного процесса. Мы можем вспомнить, что Вторая мировая война закончилась крупным судебным процессом. Югославские войны и геноцид в Руанде привели к созданию международных трибуналов. Одной из целей (а вероятнее всего и причин³¹) войны в Ираке 2003–2011 гг. было стремление предать суду политическое руководство Ирака и произвести смену режима в этой стране.

Но если мы обратимся к предложенному выше определению возмездия как причинения противнику ущерба, значительно превышающего убытки, понесенные стороной, считающей себя жертвой несправедливого нападения, то увидим, что современные войны зачастую ведутся в духе представлений о пунитивной войне. Ущерб и жертвы многих войн последних десятилетий (операции НАТО и США против Югославии, Афганистана, Ирака) значительно превышает тот урон, что был изначально нанесен государствами, против которых были начаты войны-наказания. Особенно это становится заметным, если мы обратим внимание на значительный рост числа жертв среди гражданского населения.

Имплицитно аргументация, характерная для пунитивной парадигмы, возникает и в некоторых версиях современной теории справедливой войны. Рассматривая операцию коалиционных сил в Ираке в 2003 г., американский философ Николас Фоушин не находит какого-либо одного основания, достаточно веского для того, чтобы санкционировать войну. Взятые по отдельности, тираническая власть Саддама Хусейна, нарушение им резолюций ООН и иных актов международного права, агрессии против собственного населения, поддержка террористов, подозрения в наличии оружия массового поражения не могли обосновать вторжения. Как замечает по этому поводу М. Уолцер, режим Саддама Хусейна не был самым агрессивным режимом из всех существующих на тот период³². Тем не менее, Фоушин делает вывод о том, что операцию

²⁹ Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration*. New York, 2015. P. 51.

³⁰ Ibid. P. 61–62.

³¹ O'Driscoll C. *Renegotiation of the Just War Tradition and the Right to War in the Twenty-First Century*. New York, 2008. P. 18.

³² См. Уолцер М. Смена режима и справедливая война // Военно-юридический журнал. 2013. № 7. С. 26–32.

в Ираке следует признать справедливой войной, поскольку по совокупности причин Саддам Хусейн заслужил военного вмешательства в Ирак³³.

Схожую позицию занимает и канадский философ Брайан Оренд. Он развивает концепцию минимально справедливых государств. К ним он относит такие режимы, которые признаны собственными гражданами и мировым сообществом, не нарушают права соседних государств и обеспечивают соблюдение прав собственных граждан³⁴. Только минимально справедливые государства могут считаться полноценными участниками международных отношений. Если же государство действует агрессивно, нападает на кого-то или велика вероятность того, что оно нападет, то оно перестает считаться минимально справедливым. Такое государство может быть подвергнуто «нападению с оборонительными целями»³⁵. Но нанесение ущерба в целях упреждения войны – это не что иное, как действие сообразно логике «справедливости возмездия».

Более открыто о возможности признать наказание справедливой причиной войны заявляет известный «ревизионист» Джефф Макмахан. Он замечает, что в ряде случаев самооборона и наказательная война становятся неразличимыми. Это происходит в ситуациях, когда целью пунитивной войны являются превентивные меры, направленные на предотвращение будущих агрессий со стороны государства, которое развязало несправедливую войну. Речь идет не о том, что агрессор должен получить «по заслугам» (*desert*), и не о воздаянии (*retribution*) как таковом, а о наказании как форме защиты своего государства³⁶, когда во внимание принимаются также и потенциальные риски, требующие минимизации. Агрессия легитимирует ответные насильственные действия, нацеленные на защиту и наказание как способ предотвращения будущих агрессий. Подобно тому, как в частных отношениях преступнику не только пытаются помешать совершить правонарушение, но и заключают его в тюрьму для предотвращения повторения преступлений, государство может, ответив на агрессию, разоружить своего неприятеля.

Безусловно, в наказании преступника содержится и элемент воздаяния за совершенное деяние. Относительно этого компонента наказания Макмахан полагает, что воздаяние *в принципе, в теории* могло бы считаться справедливой причиной войны, но слишком многое в практике военных конфликтов говорит против возможности справедливого воздаяния. Во-первых, чрезвычайно сложно идентифицировать объект наказания. Мы часто говорим о государстве как о субъекте, но все же государство деперсонифицировано, это субъект, состоящий из множества людей. Невозможно наказать государство как таковое, мы всегда наказываем какую-то часть его граждан. Чаще всего речь будет идти о наказании всех граждан данного государства, т. е. наказание будет неизбежным – оно затронет в том числе и тех, кто не повинен в злодеяниях, которые приписываются государству.

³³ *Fotion N.* War and Ethics: A New Just War Theory. New York, 2007. P. 75.

³⁴ *Orend B.* The Morality of War. New York, 2006. P. 38.

³⁵ *Ibid.* P. 37.

³⁶ *McMahan J.* Aggression and Punishment // War: Essays in Political Philosophy / Ed. L. May. Cambridge, 2008. P. 82.

Во-вторых, даже если бы мы попытались вести воздающую войну целенаправленно против тех, кто непосредственно ответствен за совершенные злодеяния, это вряд ли было бы возможно. Наказание предполагает наличие вины и необходимость определить степень виновности преступников, для чего нужен независимый справедливый суд.

Однако у нас, как правило, нет достаточной полноты информации, чтобы судить о делах и мотивах тех, кого мы считаем преступниками. Даже если мы можем оценить преступление и масштабы должного наказания, мы не можем быть уверенными, что война способна наказать каждого виновного человека ровно в той мере, в которой он это заслуживает; негативное влияние войны практически невозможно направить на конкретных людей и привести его в соответствие с их злодеяниями. Война всегда влияет в том числе и на жизни тех, кто не причастен непосредственно к совершению того зла, которое требует какого-то наказания³⁷. На эту несоразмерность обращает внимание и А. В. Прокофьев в своей статье о войне как наказании агрессора: «для того, чтобы наказать военных преступников за прошлые деяния или сменить политический режим, не осуществляющий в настоящий момент массовых убийств и прочих репрессий, предполагается допустимость гибели огромного количества военных и гражданских лиц с обеих сторон»³⁸. Объем насилия, который будет использовать справедливая сторона для отражения агрессии и наказания неприятеля, вероятнее всего, будет превышать изначальный объем насилия, использованного лицами, виновными в развязывании несправедливой войны. Жизни гражданских лиц могут оказаться под угрозой, но стоит также обратить внимание и на риски для военных, выступающих в роли орудия наказания. Обобщив все это, мы можем заключить, что воздающая война на практике оказывается непропорциональным средством и потому не может считаться справедливой мерой наказания.

Скажем в заключение несколько слов о причинах реставрации пунитивной парадигмы. Отчасти этому способствуют трансформации войны, которые происходили с ней в течение XX в. Во-первых, отмеченная выше криминализация войны меняет представление о соотношении статуса участников конфликта и, соответственно, об их правах и обязанностях. Восприятие агрессии как преступления, требует от жертвы описывать свою войну в категориях наказания и воздаяния. Дэвид Любан в своем исследовании о наказании как основании войны приводит в пример слова Уинстона Черчилля, произнесенные 14 июля 1941 г.: «мы отплатим немцам той же, а быть может, и более крупной монетой»³⁹. Грех вооруженного нападения должен быть отмщен сполна. В условиях, когда понятие агрессии и законные действия в отношении агрессора не определены четко и однозначно, наказание нередко становится делом

³⁷ McMahan J. Aggression and Punishment // War: Essays in Political Philosophy / Ed. L. May. Cambridge, 2008. P. 82–84.

³⁸ Прокофьев А.В. Справедливая война как наказание агрессора // Проблемы этики: философско-этический альманах / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / Ред. А.В. Разин, И.А. Авдеева. Вып. V. Ч. 1. М., 2015. С. 157.

³⁹ Черчилль У. Стойкость и выдержка лондонцев // Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М., 2014. С. 402.

вооруженных сил, которые проводят операцию против агрессора, его армии и гражданского населения.

Еще одна важная особенность современной мировой политики состоит в появлении на международной арене акторов разного статуса и природы. Плюралистичность, связанная с усилением роли, которую играют негосударственные субъекты, осложняет принятие политического решения о войне и затрудняет проведение военных операций. Государства и их объединения воспринимают себя в качестве единственного источника регуляции международных отношений, что ставит их в позицию «мирового жандарма». Они считают себя обязанными осуждать те или иные насильственные акции, например, террористическую деятельность, и наказывать виновных в их проведении. Серьезные кризисы самоопределения происходят в ситуации, когда они оказываются не способными к этому, как это произошло в случае с геноцидом в Руанде. Именно после событий в этой стране начала активно развиваться теоретическая база гуманитарных интервенций. Некоторое время спустя ООН приняла доктрину «Обязанность защищать», согласно которой суверенитет государств заключается не только в возможности вести политику по своему усмотрению, в том числе самостоятельно принимать решение о войне, но главным образом в том, чтобы обеспечивать благополучие своего народа.

Несмотря на серьезные трансформации в мировой политике, государства по-прежнему продолжают позиционировать себя как основной центр силы. Государства полагают своей традиционной миссией наблюдение за международными отношениями и защиту всеобщей безопасности и порядка. Более невозможна риторика о войне как особом праве, которым государство пользуется по своему усмотрению. Скорее в ней видят инструмент, которым время от времени следует карать согрешивших против международной безопасности. Соответственно, основные формы войны сейчас – это гуманитарные интервенции, контртеррористические операции, упреждающие удары, нередко нацеленные на уничтожение «злых режимов», не действующих агрессивно в данный момент, но представляющих потенциальную опасность. Пожалуй, в этом можно увидеть секулярное воспроизведение теологических аргументов, лежавших в основе августинианской пунитивной доктрины справедливой войны. Только место грешников занимают теперь международные преступники.

Список литературы

Августин Аврелий. О граде Божиим. Книги I–XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 595 с.

Августин Аврелий. О граде Божиим. Книги XIV–XXII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 592 с.

Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. М.; Рига: Благовест, 1995. 416 с.

Апресян Р.Г. История этики Нового времени: Лекции и статьи. М.: Директ-Медиа, 2014. 359 с.

Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 720 с.

- Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
- Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
- Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. СПб.: Алетейя, 2019. 268 с.
- Платон. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
- Платон. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. 955 с.
- Прокофьев А.В. Справедливая война как наказание агрессора // Проблемы этики: философско-этический альманах / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / Ред. А.В. Разин, И.А. Авдеева. Вып. V. Ч. 1. М.: Издатель Воробьев, 2015. С. 146–160.
- Уолцер М. Смена режима и справедливая война // Военно-юридический журнал. 2013. № 7. С. 26–32.
- Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопр. 1–46. Киев: Ника-Центр, 2011. 576 с.
- Цицерон М.Т. Диалоги. М.: Ладомир, 1994. 222 с.
- Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. 245 с.
- Черчилль У. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М.: Альпина non-фикшн, 2014. 644 с.
- Эренбург И.Г. Война. 1941–1945. М.: АСТ, 2004. 796 с.
- Luban D. War as Punishment // Philosophy & Public Affairs. 2011. Vol. 39. Issue 4. P. 299–330.
- Cicero. De Officiis. London: William Heinemann Ltd; New York: G. P. Putnam's Sons, 1928. 439 p.
- Cox R. The Ethics of War up to Thomas Aquinas // The Oxford Handbook of Ethics of War / Eds. S. Lazar, H.P. Frowe. Oxford: Oxford UP, 2015. 592 p. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199943418.001.0001/oxfordhb-9780199943418-e-19> (дата обращения: 25.03.2019).
- Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. New York: Continuum, 2007. 192 p.
- Hampton J. The Moral Education Theory of Punishment // Philosophy & Public Affairs. 1984. Vol. 13. P. 208–238.
- McMahan J. Aggression and Punishment // War: Essays in Political Philosophy / Ed. L. May. Cambridge: Cambridge UP, 2008. P. 67–84.
- O'Driscoll C. Renegotiation of the Just War Tradition and the Right to War in the Twenty-First Century. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 232 p.
- Orend B. The Morality of War. New York: Broadview Press, 2006. 289 p.
- Russel F.H. The Just War in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge UP, 1975. 348 p.
- Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici Opera Omnia iussu impensaue Leonis XIII. Vol. 8. Rome: Editori di San Tommaso, 1895. 456 p.
- The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings / Eds. G.M. Reichberg, H. Syse, E. Begby. Oxford: Blackwell, 2006. 754 p.
- The Works of Saint Augustine. Vol. II/2. New York: New City Press, 2003. 440 p.
- Tuck R. The Rights of War and Peace. Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. Oxford: Oxford UP, 1999. 256 p.
- Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. New York: Basic Books, 2015. 416 p.

War as Punishment: Historical Foundations and Current State

Arseniy D. Kumankov

National Research University "Higher School of Economics". 21/4 Staraya Basmannay Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: akumankov@hse.ru

The article considers punishment as a source of legitimization of war. The author traces the history of punitive paradigm of war, notes the moment when it was replaced by the legalist

paradigm and considers the reactualization of the idea of punishment as a just basis of war. In order to deal with these issues, the author considers the formation of the punitive doctrine of war in the writings of Christian authors of the III–IV centuries. He analyzes the logic of justifying the war that appeared in the thoughts of Ambrose of Milan and Augustine Aurelius. Both theologians indicated the necessity to punish sin as a key cause of war. Next, the process of secularization of the doctrine of just war in Modern times is considered. During this period, the legalist paradigm of war had been developed. The right of states to protect their sovereignty and territorial integrity became most relevant just cause of war. Then, the author notes appeal to the idea of protection of human rights as a basis for justifying war, typical for the modern just war theory. Also, the revival of interest to the idea of punishment is considered and the possible reasons for the reactualization of the punitive paradigm in the turn of the XX–XXI centuries are examined.

Keywords: war, punishment, just war theory, Augustine, Grotius, Walzer

Reference

Ambrose. *Ob obyazannostyakh svyashchennosluzhitelei* [On the Duties of the Clergy]. Moscow; Riga: Blagovest Publ., 1995. 416 pp. (In Russian)

Apressyan, R.G. *Istoriya etiki Novogo vremeni: Lektsii i stati'i*. [History of Modern Era Ethics: Lectures and Articles]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2014. 359 pp. (In Russian)

Aristotle. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in 4 volumes], vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 830 pp. (In Russian)

Augustine. *Tvoreniya. T. 3. O grade Bozhiem. Knigi I–XIII* [Works. Vol. 3. The City of God. Books I–XIII]. St. Petersburg: Aleteia Publ., Kiev: UCIMM-Press Publ., 1998. 595 pp. (In Russian)

Augustine. *Tvoreniya. T. 4. O grade Bozhiem. Knigi XIV–XXII* [Works. Vol. 4. The City of God. Books XIV–XXII]. St. Petersburg: Aleteia Publ., Kiev: UCIMM-Press Publ., 1998. 592 pp. (In Russian)

Churchill, W. *Nikogda ne sdavat'sya! Luchshie rechi Cherrchillya* [Never Give Up! Best Churchill's Speeches]. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ., 2014. 644 pp. (In Russian)

Cicero. *De Officiis*. London: William Heinemann Ltd; New York: G.P. Putnam's Sons. 1928. 439 pp.

Cicero, M.T. *Dialogi* [Dialogues]. Moscow: Ladomir Publ., 1994. 222 pp. (In Russian)

Cicero, M.T. *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh* [On Old Age. On Friendship. On Duties]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 245 pp. (In Russian)

Cox, R. "The Ethics of War up to Thomas Aquinas", in: *The Oxford Handbook of Ethics of War*, eds. S. Lazar, H.P. Frowe. Oxford: Oxford UP, 2015. 592 pp. [http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199943418.001.0001/oxfordhb-9780199943418-e-19, accessed on 25.03.2019].

Crevel'd, M. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow: IRISEN Publ., 2006. 544 pp. (In Russian)

Erenburg, I.G. *Voyna. 1941–1945* [War. 1941–1945]. Moscow: AST Publ., 2004. 796 pp. (In Russian)

The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings, eds. G.M. Reichberg, H. Syse, E. Begby. Oxford: Blackwell. 2006. 754 pp.

Fotion, N. *War and Ethics: A New Just War Theory*. New York: Continuum. 2007. 192 pp.

Grotius, H. *O prave voyny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir Publ., 1994. 868 pp.

- Hampton, J. "The Moral Education Theory of Punishment", *Philosophy & Public Affairs*, 1984, vol. 13, pp. 208–238.
- Kumankov, A.D. *Sovremennye klassiki teorii spravedlivoi voiny: M. Uoltser, N. Foushin, B. Orend, Dzh. Makmakhan* [Contemporary Classics of Just War Theory: M. Walzer, N. Fotion, B. Orend, J. McMahan]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2019. 268 pp. (In Russian)
- McMahan, J. "Aggression and Punishment", in: *War: Essays in Political Philosophy*, ed. L. May. Cambridge: Cambridge UP, 2008, pp. 67–84.
- O'Driscoll, C. *Renegotiation of the Just War Tradition and the Right to War in the Twenty-First Century*. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 232 pp.
- Orend, B. *The Morality of War*. New York: Broadview Press. 2006. 289 pp.
- Plato. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [Works in 4 vols], vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 654 pp. (In Russian)
- Plato. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh* [Works in 4 vols], vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 955 pp. (In Russian)
- Prokofyev, A.V. "Spravedlivaya voina kak nakazanie agressora" [Just War as a Punishment of an Aggressor], in: *Problemy etiki: filosofsko-eticheskii al'manakh. Filosofskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova* [Problems of Ethics: Philosophical and Ethical Almanac. Faculty of Philosophy, Moscow State Lomonosov University], eds. A.V. Razin, I.A. Avdeeva. Issue V. Part 1. M.: Izdatel' Vorob'ev Publ., 2015, pp. 146–160. (In Russian)
- Russel, F.H. *The Just War in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge UP, 1975. 348 pp.
- Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici Opera Omnia iussu impensaue Leonis XIII*, vol. 8. Rome: Editori di San Tommaso, 1895. 456 pp.
- Thoma Aquinas. *Summa teologii. Chast' II-II. Voprosy 1–46* [Summa Theologica. Part II-II. Questions 1–46]. Kiev: Nika-Tsentr Publ., 2011. 576 pp. (In Russian)
- Tuck, R. *The Rights of War and Peace. Political Thought and the International Order from Grotius to Kant*. Oxford: Oxford UP, 1999. 256 pp.
- Vattel, E. *Pravo narodov ili Printsipy estestvennogo prava, primenyaemye k povedeniyu i delam natsii i suverenov* [The Law of Nations: Or, Principles of the Law of Nature Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1960. 720 pp. (In Russian)
- Walzer, M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration*. New York: Basic Books. 2015. 416 pp.
- Walzer, M. "Smena rezhima i spravedlivaya voina" [Regime Change and Just War], *Voenno-yuridicheskii zhurnal*, 2013, no. 7, pp. 26–32. (In Russian)
- The Works of Saint Augustine*. Vol. II/2. Letters 100–155. New York: New City Press. 2003. 440 pp.